

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 159.922.736.4:159.923:37.013.42
ББК Ю941.5-72+4466.46

ГРНТИ 4.35.01; 14.07.05

Код ВАК 5.3.4

Водяха Сергей Анатольевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии, Институт психологии, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: svodyakha@yandex.ru

Водяха Юлия Евгеньевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии конфликтологии, Институт психологии, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: jullyaa@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психоактивные вещества; аддиктивное поведение; употребление психоактивных веществ; профилактика употребления психоактивных веществ; подростки; личность подростка; профилактическая работа

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают основные теоретические аспекты проблемы предикторов употребления психоактивных веществ современными подростками. Проблема употребления психоактивных веществ стала весьма актуальной после окончания пандемии и является значимой для человека начала XXI века, но в то же время недостаточно изучена. Стоит отметить, что подростки, использующие психоактивные вещества, отличаются определенными личностными акцентуациями. Подростки с такими типами личностных акцентуаций, как эпилептоидный, сенситивный и неустойчивый, чаще своих сверстников демонстрируют риск первого употребления психоактивных веществ. Помимо среды, на процесс формирования аддиктивного поведения могут оказывать влияние личностные качества и половые особенности. В научном сообществе взгляды ученых на влияние личностных свойств на склонность к употреблению психоактивных веществ достаточно противоречивы. Соотношение склонности к отклоняющемуся поведению и личностных свойств в основном исследовалось нашими зарубежными коллегами. В то же время был обнаружен недостаток сведений о данной проблематике, полученных с привлечением российской выборки. Таким образом, целью нашего исследования стало изучение соотношения склонности к употреблению психоактивных веществ и типов личностных акцентуаций, а также половых особенностей аддиктивного поведения. В исследовании приняли участие 934 респондента от 11,5 до 17 лет, проживающие в четырех федеральных округах (Южный федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ) в Ростовской, Рязанской, Ленинградской, Свердловской и Курганской областях в населенных пунктах с разным уровнем урбанизации. Результаты эмпирического исследования показали значимую корреляцию между сензитивностью и склонностью к алкоголизации. Таким образом, можно заключить, что личностные предикторы употребления психоактивных веществ являются значимой мишенью психопрофилактики. Выяснилось, что 18,98% подростков склонны к употреблению психоактивных веществ. Стоит отметить тот факт, что склонность девочек-подростков к зависимому поведению значимо выше, чем у подростков-мальчиков. Результаты исследования убедительно показывают, что при организации психопрофилактических мероприятий необходимо учитывать выраженность риска первого употребления психоактивных веществ и специфику личностных особенностей подростков. Данная задача может быть решена за счет модульной программы психопрофилактических мероприятий. Практическая значимость исследования состоит в том, что изменение акцентуаций личности позволит разработать психопрофилактические мероприятия, направленные на старшеклассников и студентов, находящихся в группе риска. Результаты исследования позволяют разработать комплексную программу психолого-педагогической профилактики употребления психоактивных веществ подростками и рекомендации для педагогов-психологов и специалистов-смежников.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено согласно государственному заданию № 073-00042-21-02 «Научно-методическое обеспечение коррекционных и профилактических программ в сфере употребления несовершеннолетними обучающимися психоактивных веществ».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Водяха, С. А. Личностные особенности подростков, склонных к употреблению психоактивных веществ / С. А. Водяха, Ю. Е. Водяха. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 3. – С. 187–198.

Vodyakha Sergey Anatolievich,

Candidate of Psychology, Associate Professor of Department of General Psychology and Conflictology, Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg Russia

Vodyakha Yuliya Evgenievna,

Candidate of Psychology, Associate Professor of Department of General Psychology and Conflictology, Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg Russia

PERSONAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS PRONE TO USE PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

KEYWORDS: psychoactive substances; addictive behavior; substance use, substance use prevention; teenagers; adolescent personality; preventive work

ABSTRACT. The authors consider the main theoretical aspects of the problem of predictors of the use of psychoactive substances by modern adolescents. The problem of psychoactive substance use has become very relevant after the end of the pandemic and is significant for a person at the beginning of the 21st century, but at the same time it has not been sufficiently studied. It should be noted that adolescents who use psychoactive substances are distinguished by certain personal accentuations. Adolescents with such types of personality accentuations as epileptoid, sensitive and unstable more often than their peers demonstrate the risk of first use of psychoactive substances. In addition to the influences of the environment, the process of formation of addictive behavior can be influenced by personal qualities and gender characteristics. In the scientific community, the views of scientists on the influence of personality traits on the propensity to use psychoactive substances are quite contradictory. The study of the ratio of propensity to deviant behavior and personality traits was mainly studied by our foreign colleagues. At the same time, a lack of information about this issue was found, obtained with the involvement of the Russian sample. Thus, the purpose of our study was to study the relationship between the propensity to use psychoactive substances and the types of personal accentuations, as well as the gender characteristics of addictive behavior. The study involved 934 respondents aged 11,5 to 17 living in four federal districts (Southern Federal District, Central Federal District, Northwestern Federal District, Ural Federal District) in the Rostov, Ryazan, Leningrad, Sverdlovsk and Kurgan regions in settlements with different levels of urbanization. The results of the empirical study showed a significant correlation between sensitivity and alcohol addiction. Thus, it can be concluded that personal predictors of psychoactive substance use are a significant target of psychoprophylaxis. It turned out that 18,98% of adolescents are prone to the use of psychoactive substances. It is worth noting the fact that the propensity of teenage girls to addictive behavior is significantly higher than that of teenage boys. The results of the study convincingly show that when organizing psychoprophylactic measures, it is necessary to take into account the severity of the risk of the first use of psychoactive substances, as well as the specifics of the personality characteristics of adolescents. This task can be taken into account through a modular program of psychoprophylactic measures.

The practical significance of the study lies in the fact that a change in personality accentuations will make it possible to develop psychoprophylactic measures aimed at high school students and students who are at risk. The results of the study make it possible to develop a comprehensive program of psychological and pedagogical prevention of the use of psychoactive substances by adolescents and recommendations for educational psychologists and related specialists.

ACKNOWLEDGMENTS: The research was carried out in accordance with the state task No. 073-00042-21-02 "Scientific and methodological support of correctional and preventive programs in the field of the use of psychoactive substances by underage students".

FOR CITATION: Vodyakha, S. A., Vodyakha, Yu. E. (2023). Personal Characteristics of Adolescents Prone to Use Psychoactive Substances. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 3, pp. 187–198.

Введение. Данные статистики свидетельствуют о широком распространении употребления психоактивных веществ среди несовершеннолетних обучающихся, об омоложении аудитории с повышенной готовностью (склонностью) к вовлечению в процесс употребления, а также о появлении новых психоактивных веществ. При этом механизмы вовлечения в употребление психоактивных веществ могут носить системный характер и зависеть от вида употребляемого психоактивного вещества.

Наблюдается появление в российском обществе новых вейп-сообществ с собственной «культурой парения», так или иначе оказывающих воздействие на приобщение несовершеннолетних обучающихся к демонстративному потреблению психоактивных

веществ. В настоящее время приходится говорить о классификации вовлеченных обучающихся в употребление психоактивных веществ в зависимости от частоты употребления: «воздерживающиеся от употребления», «случайно употребляющие с целью развлечения», «экспериментирующие с ПАВ время от времени», «регулярно употребляющие» (без зависимости, но имеющие проблемы, связанные с употреблением), «зависимые от ПАВ» [2].

Без чаще исследователями рассматривается возможность построения научно обоснованной системы профилактики, предусматривающей цель, задачи и стратегии воздействий (С. В. Березина, Т. В. Волкова, К. С. Лисецкий, И. Б. Орешникова, А. А. Сердюк, Д. П. Яшин). Профилактика

ставит перед собой цель усилить факторы защиты, препятствующие началу употребления, и уменьшить факторы риска формирования зависимости от психоактивных веществ. Существуют различные модели профилактики употребления психоактивных веществ (транзакциональная модель А. Дж. Самероффа, модель антисоциального поведения Г. Паттерсона, модель «превентивных буферов» Н. Гамези, М. Роттера, модель «копинг-поведения» Н. А. Сирота, В. М. Ялтонского). Вместе с тем предпринимаемые попытки построения психопрофилактической работы по употреблению психоактивных веществ несовершеннолетними обучающимися в конкретных образовательных организациях носят эпизодический характер, не всегда нацелены на отслеживание эффективности [1].

В рамках темы данного научного исследования наибольший интерес представляют первичная и вторичная профилактика употребления психоактивных веществ несовершеннолетними обучающимися. Первичная (предупредительная) профилактика имеет целью предупредить начало употребления психоактивных веществ молодыми людьми, воздерживающимися от употребления, а также прекратить случайное и экспериментальное употребление. Она является преимущественно социальной, наиболее массовой и ориентирована на общую популяцию детей, подростков, молодежи. Усилия первичной профилактики направлены на сохранение либо укрепление здоровья. Вторичная (селективная) профилактика избирательна, она ориентирована на лиц, имеющих регулярный опыт проблемного употребления психоактивных веществ без зависимости, но при этом с высокой вероятностью возникновения заболевания.

Анализ актуальных исследований и публикаций. Согласно Х. Вайтфорду и его коллегам, употребление психоактивных веществ тесно связано с неблагоприятными последствиями для здоровья и сокращением ожидаемой продолжительности жизни и характеризуется потерей контроля над употреблением психоактивных веществ с течением времени [17].

Личностные факторы оказывают значительное влияние на преодоление зависимости от психоактивных веществ [3]. Личностный профиль аддикта может помочь персонализировать процесс интервенции и профилактики. Зависимые от психоактивных веществ подростки демонстрируют высокую коморбидность психических расстройств личности [8].

Диагностика расстройств имеет целью выявление дисфункциональных черт личности, соответствующих акцентуациям ха-

рактера личности [18]. Следовательно, построение психологического портрета личности, склонной к употреблению психоактивных веществ, сможет дать информацию педагогам и психологам о том, какие акцентуации личности могут быть наиболее распространены среди молодых людей, склонных к употреблению психоактивных веществ [2].

Согласно исследованию Д. Ракетич и ее коллег, молодые люди, зависимые от психоактивных веществ, как правило, имеют высокие баллы по невротизму и низкие баллы по добросовестности и доброжелательности по сравнению с лицами без вредных привычек по разным показателям в пятифакторной модели личности [15]. Этот личностный профиль зависящего от психоактивных веществ эквивалентен низкой выраженности метапризнака «Эмоциональная стабильность» [5].

Р. Котов со своими коллегами обнаружил, что некоторые психические расстройства связаны с высоким невротизмом [9]. Невротизм в основном связан с частотой и интенсивностью негативных аффектов, например тревоги, напряжения и беспокойства [13]. Логически следует, что люди с высоким уровнем этого признака будут иметь более низкий порог психического расстройства.

Кроме того, употребление психоактивных веществ и жизнь, связанная с употреблением психоактивных веществ, часто вызывают психологический стресс, что может способствовать более высоким показателям невротизма. Сознательность – черта, отражающая склонность к планированию и организации [13], также связана с рядом психических расстройств [9]. Психологический дистресс может истощить психологические ресурсы для планирования и самоорганизации психической деятельности. В то же время люди с низкой добросовестностью могут быть более уязвимы к развитию психических расстройств в трудных жизненных ситуациях.

Х. Нордвик и Х. Корнер выявили, что норвежская популяция с опиоидной зависимостью показала низкие баллы по экстраверсии [14]. В то же время исследования других групп населения, употребляющих психоактивные вещества и наркотики, наоборот, выявили повышенные баллы по экстраверсии [4; 6; 15], а также ее побочное стремление к возбуждению [16].

Расхождение в результатах экстраверсии среди употребляющих психоактивные вещества может отражать существенные личностные различия между типичными представителями разных подгрупп зависимых от психостимуляторов, например тип

используемого вещества, частота приема и степень тяжести, а также пол. В меньшем количестве исследований сообщалось о расходящихся результатах в отношении открытости, хотя повышенные уровни открытости были обнаружены среди студентов, употребляющих каннабис [6]. Э. Эревик со своими коллегами также обнаружила низкие уровни открытости среди студентов, злоупотребляющих алкоголем [6]. Также значимым предиктором употребления психоактивных веществ являются агрессивность и низкий уровень развития эмоционального интеллекта [1; 2].

Согласно основной цели текущего этапа научно-исследовательской работы было реализовано исследование с применением электронного ресурса оценки риска первого употребления психоактивных веществ несовершеннолетними обучающимися в четырех федеральных округах. Ведущий оцениваемый параметр – степень выраженности риска первого употребления психоактивных веществ в подростковом возрасте. Особое внимание уделяется оценке риска начала употребления психоактивных веществ, а не риску зависимости от них (по В. П. Дворщенко).

Методология исследования. Исследование было реализовано в период сентября – октября 2022 года в четырех федеральных округах (Южный федеральный округ, Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Уральский федеральный округ) в Ростовской, Рязанской, Ленинградской, Свердловской и Курганской областях в населенных пунктах с разным уровнем урбанизации. Валидность исследования достигается за счет количества и территориальной разрозненности регионов проведения проживания респондентов. Это позволяет контролировать внешние переменные социального, экономического и политического событийного фона. Важное значение для нас имел факт участия респондентов из крупных городов и небольших населенных поселков, а также различных образовательных организаций (школа, лицей, гимназия и т. п.). Всего в исследовании приняли участие 934 респондента от 11,5 до 17 лет, обучающиеся школ.

Помимо региона проживания, критериями отбора респондентов являлись: возраст (от 11,5 до 17,5 лет), статус обучающегося, отсутствие ограничений здоровья, препятствующих проведению тестирования, опыт участия в компьютерном тестировании.

В качестве диагностического инструментария применялись валидные и надежные методики:

1. «Тест личностных акцентуаций» (В. П. Дворщенко) (в исследовании учиты-

вались значения шкал «риск первого употребления психоактивных веществ», «психологическая склонность к алкоголизации», «сензитивный тип», «неустойчивый тип», «эпилептоидный тип»).

2. Тест «Склонность к зависимому поведению» (В. Д. Менделевич), включая буферные вопросы данной методики.

3. Шкалы контроля (лжи и аггравации) методики «Индивидуальный типологический детский опросник» (Л. Н. Собчик).

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством опросного метода. Пилотажное исследование позволило авторскому коллективу выбрать наиболее оптимальные опросники, нивелирующие проблему искажения ответов, следования социально желательным ответам, переживания ситуации аггравации в ходе прохождения тестирования.

Диагностический комплекс был интегрирован в онлайн-конструктор тестов на сайте Online Test Pad, расположенный на доменном имени onlinetestpad.com (а также его субдоменах). Сайт защищает данные, которые автоматически передаются при посещении страниц: IP адрес; информация из cookies; информация о браузере; время доступа; реферер (адрес предыдущей страницы).

Психологи, работающие с обучающимися, получили подробную инструкцию и методические рекомендации по проведению психологического обследования. Участие в тестировании носило добровольный характер, вознаграждение за участие не предусмотрено. Все респонденты прошли тестирование по месту обучения, данные респондентов (фамилия, имя, образовательная организация, класс) были зашифрованы с целью обеспечения соблюдения профессиональной этики.

Ограничения по времени проведения тестирования не предусматривает. Средняя длительность прохождения теста составила 28 минут. Обучающиеся получали логин и ссылку на сайт от психолога школы, далее, используя стационарный компьютер, ноутбук, планшетный компьютер, смартфон, имели возможность пройти тестирование. Тестирование проводилось по подгруппам не более 10–12 человек. Такое количество респондентов позволяло психологам образовательных организаций оперативно оказывать необходимое сопровождение каждому ученику. Случаев отказа от прохождения методик, негативных эмоциональных реакций и т. п. в процессе тестирования не наблюдалось.

Данные автоматически поступали в личный кабинет организаторов исследования и подвергались обработке.

На начальном этапе количественной

обработки были определены критические значения по шкалам контроля (шкала лжи и аггравации) в эмпирической выборке. Вопросы в шкале лжи связаны с ситуациями, достаточно типичными для большинства респондентов выборки. В противном случае отсутствие опыта проживания описанной ситуации не позволяет тестируемому достоверно ответить на поставленный вопрос. Отвечая на данные вопросы искренне, даже при наличии неприятных переживаний (неловкость, связанная с нарушением каких-либо правил, стыд), преодолевая внутреннее сопротивление, респондент в состоянии также честно отвечать и на остальные вопросы методики. Если респондент не готов проявить откровенность, то это в первую очередь проявится в вопросах, требующих дополнительных усилий [7]. В соответствии с руководством методики «Индивидуальный типологический детский опросник» высокие показатели по шкале «ложь» выявляют неискренность и тенденцию показывать себя в лучшем свете.

Шкала аггравации является особенно важной при тестировании несовершеннолетних ввиду ряда возрастных особенностей, таких как низкий уровень самопонимания, снижение показателей отраженной самооценки, высокий уровень тревожности и т. д. В соответствии с руководством методики «Индивидуальный типологический детский опросник» Л. Н. Собчик высокие баллы обозначают стремление подчеркнуть имеющиеся проблемы и сложность собственного характера.

Общее количество респондентов, продемонстрировавших превышение результатов по обоим шкалам контроля, составило 1,49%. Низкий результат по шкалам контроля мы объясняем предварительной работой по созданию диагностического комплекса, низкой очевидной валидностью, наличием буферных вопросов, множественностью целевых ориентиров диагностического инструментария. Так, на этапе полевого исследования в фокус-группе, состоявшей из 30 студентов старших курсов института психологии, процент распозна-

вания целевых ориентиров, связанных с риском употребления психоактивных веществ, составил 6,6%. Данный показатель мы интерпретируем как низкая очевидная валидность.

Общее количество респондентов, продемонстрировавших искажение информации, составило 26,33% от выборочной совокупности. Преимущественно в данную группу вошли ответы женской аудитории (60,16%), достоверно чаще встречаются высокие баллы в возрастной группе 14–15 лет. Полученные результаты могут быть связаны с тем, что для девушек подростков более свойственна категоричность в оценках собственного поведения и поступков других людей как одно из проявления подростково-юношеского максимализма. Еще одной причиной повышения неискренности ответов может быть более высокая, чем у их сверстников, мотивация одобрения, более высокие социальные стандарты.

Высокие показатели по шкале аггравации продемонстрировали 4,82% от общей выборки респондентов. Для данной категории подростков могут быть свойственны повышенный интерес к своей личности, сниженная самооценка, излишняя рефлексия, мнительность, стремление найти причины объективно сложных ситуаций в собственной личности, самовнушение. Кроме этого, высокие баллы по аггравации могут быть обусловлены низким уровнем самопонимания, повышенной тревожностью, страхом презентации себя, малым опытом социального взаимодействия.

Результаты исследования и их обсуждение. Дальнейшему анализу были подвергнуты эмпирические данные респондентов с низкими (в том числе с нулевыми) значениями по контрольным шкалам для обеспечения достоверности результатов исследования.

По методике «Тест личностных акцентуаций» (В. П. Дворщенко) были получены результаты по параметру N^c «риск первого употребления ПАВ». Результаты отражены в таблице 1, графически представлены на рисунке 1.

Таблица 1

Процентное распределение респондентов по уровням риска первого употребления психоактивных веществ

Уровень (X _i)	риск отсутствует / 0–1 балла	риск умеренный / 2 балла	риск выраженный / 3 балла	риск очень высокий / 4 балла и более
f _a (%)	52,94	27,03	17,65	2,38
f _{ам} (%)	53,41	22,73	21,59	2,27
f _{аГ} (%)	52,60	30,14	14,79	2,47
f _a (%) 12–13 лет	60,69	22,07	17,24	0,00
f _a (%) 14–15 лет	46,77	31,18	19,39	2,66
f _a (%) 16–17 лет	55,20	25,34	15,84	3,62

Данные таблицы свидетельствуют, что более половины респондентов не продемонстрировали риск первого употребления психоактивных веществ. Примерно равное количество респондентов в мужской и женской выборках (52,94% и 53,41% соответственно) не склонны к инициированию

первого употребления психоактивных веществ, не испытывают интерес к употреблению ПАВ. Достоверных различий по показателю N^c «риск первого употребления ПАВ» в мужской и женской выборках не установлено (U -критерий = 45939, при $p = 0,468$).

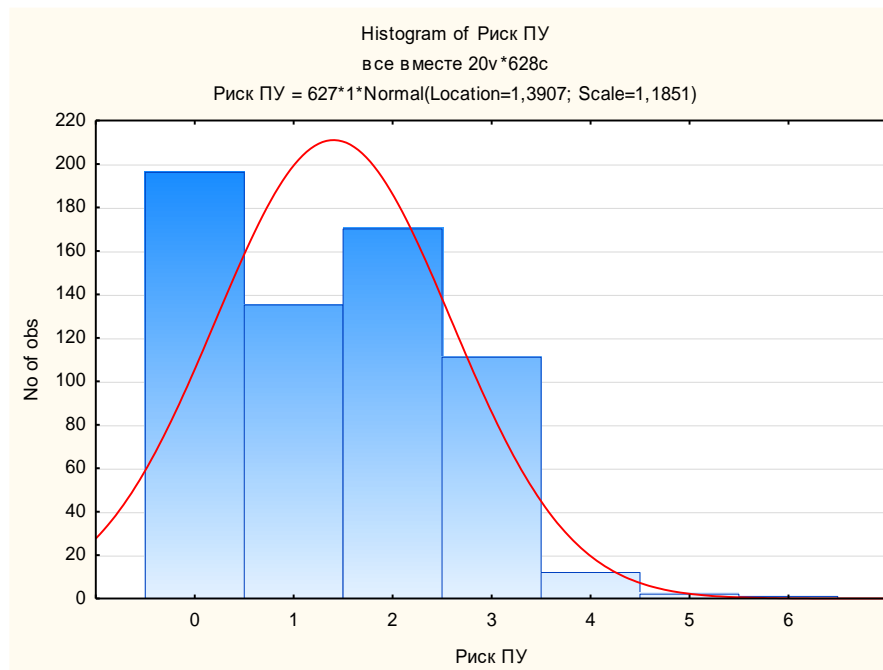

Рис. 1. Гистограмма распределения значений переменной «риск первого употребления психоактивных веществ»

Анализ рисунка позволяет заключить, что 27,03% респондентов были отнесены к группе с умеренным риском первой пробы психоактивных веществ. Они могут быть вовлечены в процесс употребления психоактивных веществ при ряде контекстуальных условий. В данной группе находятся преимущественно девушки 14–15 лет на уровне тенденции.

К группе выраженного риска первой пробы психоактивных веществ отнесены 17,65% респондентов. Данная группа респон-

дентов находится в зоне риска по вовлечению в употребление психоактивных веществ. Преобладающий возраст – 14–15 лет, преимущественно мужской пол.

Четвертая группа – высокий риск готовности к первой пробе – представлена 2,38% респондентов, преимущественно респонденты 16–17 лет.

Проведена оценка параметра «психологическая склонность к алкоголизации» (V). Результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2

Процентное распределение респондентов по уровням риска психологической склонности к алкоголизации

Уровень (X_i)	отсутствует	неопределенный	наличие склонности	склонность демонстративная
f_a (%)	59,30	19,87	17,01	3,82
f_{aM} (%)	67,42	16,29	14,39	1,89
f_{aF} (%)	53,42	22,47	18,90	5,21
f_a (%) 12–13 лет	78,62	21,38	0,00	0,00
f_a (%) 14–15 лет	56,65	23,57	16,35	3,42
f_a (%) 16–17 лет	49,77	19,91	23,53	6,79

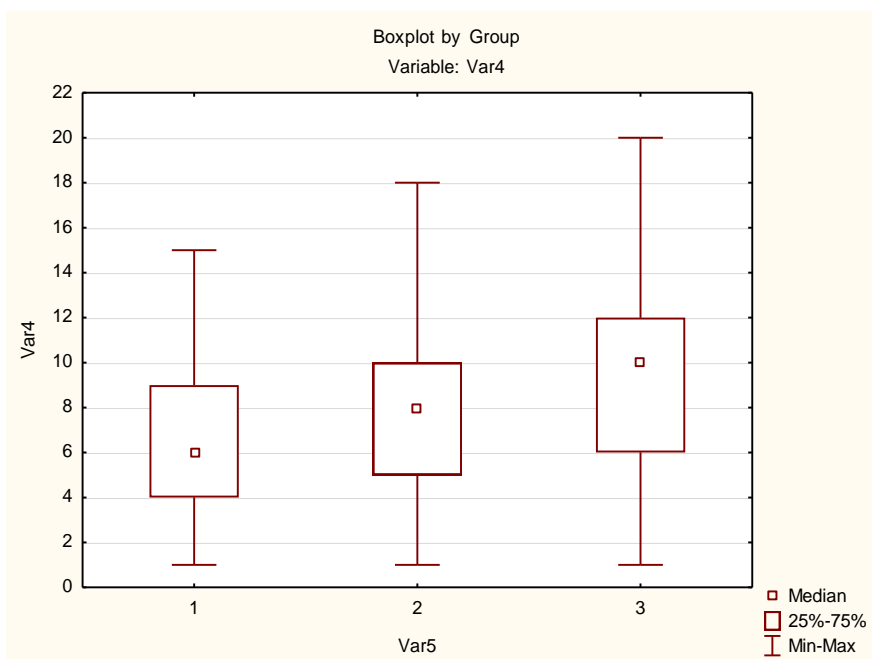

Рис. 2. Диаграмма размаха значений по уровням риска психологической склонности к алкоголизации в трех возрастных группах (по методике ТЛА В. П. Дворценко)

Примечание: группа 1 – возраст 12–13 лет, группа 2 – возраст 14–15 лет, группа 3 – возраст 16–17 лет

Статистически достоверных различий по параметру «психологическая склонность к алкоголизации» (V) во всех трех группах с дифференциацией по возрасту (1 группа – 12–13 лет, 2 группа – 14–15 лет, 3 группа – 16–17 лет) не установлено (Н-критерий Крускала-Уоллиса). При попарном сравнении (U-критерий Манна-Уитни) установлены различия в параметре «склонность к алкоголизации» (V) в 1 группе (12–13 лет) и 3 группе (16–17 лет) – $U = 10148$ при $p = 0,0001$. Наблюдается изменение диапазона размаха от одного возраста к другому.

По мере взросления увеличивается вероятность развития склонности к алкоголизации. В 1 группе отсутствуют респонденты

со склонностью к употреблению алкоголя, а также демонстративному употреблению, в то время как в 3 группе более одной пятой от выборки показали либо наличие склонности к употреблению алкоголя (23,53%), либо склонность к демонстративному употреблению алкоголя (6,79%). Следовательно, антиалкогольные психопрофилактические мероприятия должны реализовываться как можно раньше для достижения целевых ориентиров.

В исследовании был выявлен половой диморфизм по трем параметрам: чувствительность, неустойчивость, психологическая склонность к алкоголизации.

Таблица 3

Результаты сравнительной статистики личностных параметров подростков девушек и юношей по методике «Тест личностных акцентуаций» В. П. Дворценко (Mann-Whitney U Test)

Показатель	Rank Sum Group 1	Rank Sum Group 2	U	p-value
Сензитивный тип акцентуации характера	105779,0	92356,00	38984**	0,000043
Неустойчивый тип акцентуации характера	107218,5	90916,50	40423**	0,000564
Эпилептоидный тип акцентуации характера	110825,0	87310,00	44030	0,065056
Психологическая склонность к алкоголизации	122133,5	76001,50	41021**	0,001460
Риск первого употребления психоактивных веществ	113649,5	84485,50	46854	0,555796

Примечание: «*» – $p < 0,05$, «**» – $p < 0,01$.

Девушки-подростки чаще своих сверстников демонстрируют черты чувствительности ($U_{эмпс} = 38984$, $p = 0,00001$), неустойчивости ($U_{эмпн} = 40423,50$, $p = 0,0006$) и склонности к алкоголизации ($U_{эмпV} = 41021$,

$p = 0,0014$). По данным параметрам диапазон размаха переменных в женской выборке более широкий, что свидетельствует о том, что девочки-подростки в большей степени, чем их сверстники мужского пола,

проявляют индивидуальные различия по каждому из параметров.

Для девушек более характерны повышенная чувствительность и впечатлительность, чувство собственной неполноценности, застенчивость, склонность к реакциям гиперкомпенсации, повышенные требования к себе, уклонение от трудностей и неприятностей, безынициативность, поверхностность контактов, зависимость от влияния окружающих людей.

Особый интерес вызывает тот факт, что по параметру «психологическая склонность к алкоголизации» также доминируют респонденты женского пола. Исторически сложилось так, что мальчики чаще проявляли более высокий уровень употребления психоактивных веществ, чем девочки. Однако в последние десятилетия в некоторых, в основном западных, странах наблюдается гендерная конвергенция в отношении употребления психоактивных веществ подростками [10]. Более того, в некоторых странах традиционные модели чрезмерного употребления алкоголя и курения среди мужчин по сравнению с женщинами изменились на противоположные (например, в Австрии, Швеции, Латвии), при этом девушки проявляют большую склонность к употреблению психоактивных веществ, чем юноши [7].

Кроме того, в то время как молодые женщины рассматривают употребление ал-

коголя как приятный аспект своей социальной жизни, им приходится «балансировать» между женственностью, сохранением контроля и респектабельностью во время употребления алкоголя [11]. Это может указывать на тот факт, что женщины и девочки-подростки в западных обществах по-прежнему сталкиваются с двойным гендерным стандартом при употреблении психоактивных веществ. Кроме того, экспериментальные данные подтверждают, что пол, гендерные роли и социальные нормы действуют как прямо, так и опосредованно, предсказывая употребление психоактивных веществ в подростковом возрасте [12].

Необходимо отметить, что высокие показатели по параметру «психологическая склонность к алкоголизации» свидетельствуют вовсе не об интенсивной алкоголизации, а о стремлении демонстрировать свою склонность к употреблению алкоголя, «легкое отношение», браваду. Данный параметр, имеющий много общих черт с феноменом демонстративного потребления психоактивных веществ, чаще преобладает у истероидного типа личности, который также преимущественно выражен у представительниц женского пола.

По параметрам эпилептоидные черты личности, склонность к риску первого употребления психоактивных веществ в мужской и женской выборках различий не обнаружено.

Таблица 4

Результаты сравнительной статистики интеркорреляционных связей (Spearman Rank Order Correlations)

Психологические переменные	Неустойчивый тип (Н)	Эпилептоидный тип (Э)	Психологическая склонность к алкоголизации (V)	Риск первого употребления (Nc)
Сензитивный тип (С)	0,432*	0,552*	-0,444*	-0,236*
Неустойчивый тип (Н)		0,625*	-0,150*	0,267*
Эпилептоидный тип (Э)			-0,129*	0,286*
Психологическая склонность к алкоголизации (V)				0,319*

Примечание: «*» – $p < 0,05$, «**» – $p < 0,01$.

Для респондентов с высокими показателями по риску первого употребления характерны следующие личностные особенности следующих типов акцентуаций характера: «неустойчивый» ($r_s = 0,267$ при $p < 0,05$), «эпилептоидный» ($r_s = 0,285$ при $p < 0,05$), низкие показатели по «сензитивности» ($r_s = -0,235$ при $p < 0,05$) и высокие результаты по психологической склонности к алкогольной зависимости ($r_s = 0,318$ при $p < 0,05$).

Подросток с выраженным риском первого употребления психоактивных веществ не обладает привлекательными чертами сензитивного типа акцентуации характера.

Для него характерны сниженные требования к себе, отсутствие стремления изменяться в лучшую сторону, преодолевать свои недостатки, безответственность и слабая самодисциплина. Преобладают черты либо эпилептоидные (эгоцентризм и жестокость, нетерпимость, раздражительность, злопамятность, тоскливо-злобное настроение, бережливость, педантизм), либо неустойчивого типа (поверхностность контактов, болтливость, зависимость от влияния окружения, безответственность, склонность к аффективным реакциям, стремление к праздному образу жизни).

Часть респондентов в выборке проде-

монстрировала одновременно малосовместимые психологические особенности. Для данных респондентов характерны амбивалентные переживания, излишняя настойчивость и склонность к конформизму, завышенная самооценка и мотивация избегания, неудовлетворенность собой и бравоирование своими недостатками и т. п.

Полученные результаты соответствуют характеристике групп риска непатологического генезиса по готовности подростков к немедицинскому употреблению психоактивных веществ по Л. О. Пережогину. Так, амбивалентные переживания более характерны для первой группы риска, где мотивация потребления психоактивных веществ изначально чаще носит коммуникативный и седативный характер (снять психоэмоциональное напряжение), а употребление является эпизодическим. Доминирующие черты эпилептоидного типа близки по описанию ко второй группе риска. Подростки

этой группы склонны к напряженным, агрессивным, экстрапунитивным реакциям в ситуации фрустрации, у них снижена саморегуляция, мотивация начала употребления психоактивных веществ носит гедонистический характер.

По методике «Склонность к зависимому поведению» В. Д. Менделевича были произведены расчеты средних значений для определения классов степени выраженности склонности к формированию зависимого поведения (химическая зависимость). Для этого использовались данные описательной статистики $M_x = 112,81$, $\sigma = 16,87$. Диапазон размаха значений переменной составил от 41 до 186 (при максимальном 205). Далее респонденты были отнесены к следующим классам: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий. Результаты представлены в таблице 5 и отражены на рисунке 6.

Таблица 5

Распределение респондентов по уровням склонности к зависимому поведению

Уровень (Xi)	низкий уровень 41–84	ниже среднего 85–101	средний 102–124	выше среднего 125–141
f_a (%)	3,35	20,89	53,59	18,98
f_{aM} (%)	5,34	25,19	51,15	14,50
f_{aF} (%)	1,92	17,81	55,34	22,19
f_a (%) 12–13 лет	4,14	17,93	57,24	16,55
f_a (%) 14–15 лет	4,18	18,63	52,47	22,05
f_a (%) 16–17 лет	1,83	25,57	52,51	16,89

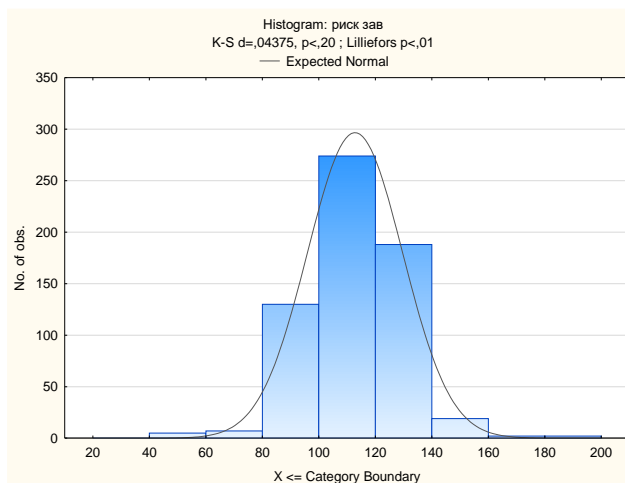

Рис. 3. Гистограмма распределения значений переменной «склонность к зависимому поведению» (по методике В. Д. Менделевича)

Эмпирические распределения исследуемой переменной как в выборке в целом, так и с делением по возрастам и половому диморфизму соответствуют кривой нор-

мального распределения. Корреляционных связей между показателем риска первого употребления и склонности к зависимому поведению не обнаружено.

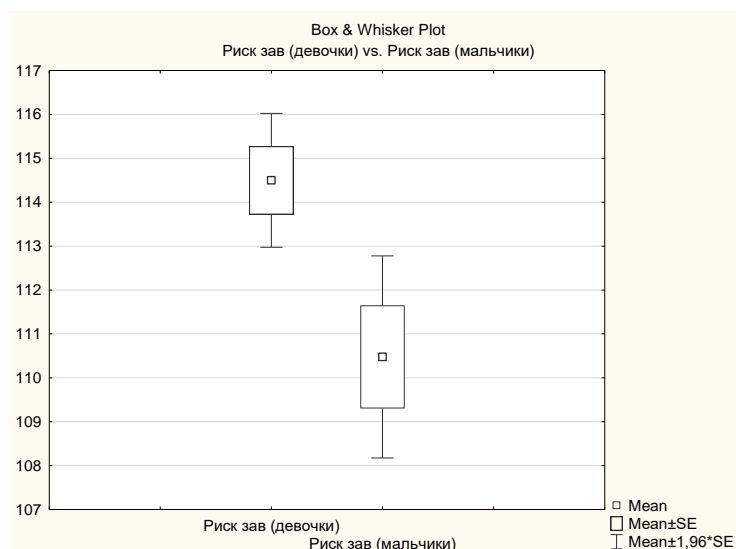

Рис. 4. Диаграмма размаха значений переменной «склонность к зависимому поведению» в женской и мужской выборках

Из рисунка 4 видно, что для подростков-девушек более характерны высокие и средние значения переменной, чем для их сверстников. Были установлены достоверные различия в мужской и женской выборках по выраженности склонности к формированию зависимого поведения (по методике В. Д. Менделевича); *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок составил 3,014 при $p = 0,003$.

Рекомендации по психологической профилактике употребления психоактивных веществ. На основе полученных данных можно сформулировать ряд дополнительных задач для конструирования психопрофилактической работы по риску вовлечения несовершеннолетних обучающихся в употребление психоактивных веществ.

Ввиду более низких показателей риска первого употребления психоактивных веществ и склонности к алкоголизации в младшей подростковой группе комплексная психопрофилактическая работа должна начинаться как можно раньше. Данное условие обеспечит минимальное количество психологических и коммуникативных барьеров при восприятии информации. От возраста к возрасту необходимо использовать в меньшей степени ин-

формативный подход, в большей степени интерактивные методы, деятельностные эксперименты по совладающему поведению, оказанию эмоциональной поддержки, конструктивному разрешению конфликтов.

С учетом такой личностной особенности, как сниженная сензитивность у подростков с высоким риском склонности к первому употреблению психоактивных веществ, часть мероприятий должна быть направлена на формирование социально привлекательных черт сензитивного типа, а именно: объективной самооценки, высокой внутренней дисциплинированности, добросовестности, ответственности, самокритичности, стремления преодолевать свои слабые стороны, внимательности и доброжелательности к людям.

Необходимо учитывать как степень выраженности риска первого употребления психоактивных веществ, так и специфику личностных особенностей подростков. Данная задача может быть решена за счет модульной программы психопрофилактических мероприятий. Особое внимание необходимо уделить уязвимым личностным особенностям неустойчивого и эпилептоидного типов, представленным в таблице 6.

Таблица 6

Конфликтогенные ситуации для представителей эпилептоидного и неустойчивого типов акцентуации характера

Конфликтогенные ситуации для эпилептоидного типа	Конфликтогенные ситуации для неустойчивого типа
<ul style="list-style-type: none"> – изменение правил, требований; – необходимость проявления самостоятельности в выполнении правил и требований; – конкуренция, ограничение возможности проявления собственного авторитета; – критика деятельности; – субъективное переживание ущемления прав и интересов 	<ul style="list-style-type: none"> – необходимость длительного подчинения систематическим требованиям; – ограничение общения со сверстниками, с которыми связаны развлечения и отдых; – необходимость длительных усилий и концентрации внимания; – необходимость принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность; – наличие внешнего контроля

Подростков необходимо обучать конструктивным копингам, адекватному реагированию на критические замечания, прогнозированию последствий своих поступков, техникам саморегуляции, релаксации.

Наличие признаков склонности к демонстративному употреблению психоактивных веществ в старшем школьном возрасте необходимо нивелировать за счет создания условий для самореализации, самопрезентации подростков с повышенной потребностью во внимании (расширение коммуникативного репертуара, участие в психопрофилактических мероприятиях в качестве организатора или главного действующего лица, вариативность форм реализации мероприятий, получение опыта наставничества и т. п.).

Для профилактики психологической склонности к алкоголизации в женской подростковой группе 14–15 лет возможно проведение отдельных интерактивных мероприятий, тренингов или упражнений раздельно для девушек и юношей. Основная задача – продемонстрировать возможные альтернативы развития жизненных сценариев при употреблении алкоголя и при выборе здорового образа жизни.

Достижение целей психопрофилактической работы с несовершеннолетними обучающимися не представляется возможным без вовлечения в этот процесс педагогов и родителей. Зона ответственности педагогов может быть связана с применением техник эмоциональной поддержки и конструктивной критики в ситуации сложностей с освоением образовательной про-

граммы, при мотивировании школьников к вовлечению в альтернативные виды деятельности, при эмоциональном подкреплении достижений подростков, техник демонстрации позитивного персонального отношения учителя, готовности к оказанию поддержки не только в учебной деятельности.

Вовлечение родителей предусматривает решение следующих задач создания доверительных отношений в диаде «родитель – ребенок»: эмоциональная безоценочная поддержка в ситуации фрустрации, совместное проживание негативных эмоциональных состояний, открытость к общению, готовность выслушать подростка не осуждая, использование техник «Я-высказываний»; демонстрация готовности к вовлечению в виды деятельности, представляющие интерес для подростка.

На основе настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Личностные предикторы употребления психоактивных веществ являются значимой мишенью психопрофилактики.

2. 18,98% подростков склонны к употреблению психоактивных веществ.

3. Склонность девочек-подростков к зависимому поведению значимо выше, чем у подростков-мальчиков.

При планировании психопрофилактических мероприятий необходимо учитывать выраженность риска первого употребления психоактивных веществ и специфику личностных особенностей подростков. Данная задача может быть решена за счет модульной программы психопрофилактических мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водяха, С. А. Стратегии совладания со стрессом и склонность к употреблению психоактивных веществ / С. А. Водяха, Ю. Е. Водяха. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 3. – С. 171–178. – EDN GCTDBS.
2. Водяха, С. А. Эмоциональный интеллект и склонность к употреблению психоактивных веществ в юношеском возрасте / С. А. Водяха, Ю. Е. Водяха. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 1. – С. 87–94. – DOI: 10.26170/2079-8717_2023_01_11. – EDN QILNBM.
3. Ajo Arnevik, E. Drop-out from addiction treatment: A systematic review of risk factors / E. Ajo Arnevik, K. Rand-Hendriksen, F. Duckert. – Text : immediate // Clin. Psychol. Rev. – 2013. – Vol. 33. – P. 1010–1024. – DOI: 10.1016/j.cpr.2013.07.007.
4. Delic, M. Association of the five-factor model personality traits and opioid addiction treatment outcome / M. Delic, K. Kajdiz, P. Pregelj. – Text : immediate // Psychiatr. Danub. – 2017. – Vol. 29. – P. 289–291.
5. DeYoung, C. G. Personality neuroscience. A developmental perspective / C. G. DeYoung, A. A. Allen. – Text : immediate // Handbook of personality development / ed. by D. P. McAdams, R. L. Siner, J. L. Tackett. – New York : Guildford Press, 2019. – P. 79–105.
6. Erevik, E. K. Recurrent cannabis use among Norwegian students: Prevalence, characteristics, and polysubstance use / E. K. Erevik et al. – Text : immediate // Nordisk Alkohol Nark. – 2017. – Vol. 34. – P. 497–510. – DOI: 10.1177/1455072517743427.
7. Hibell, B. The 2011 ESPAD Report: Substance use among students in 36 European countries / B. Hibell, E. Stergar, N. Dernovscek. – The S Council for Information on Alcohol and Other Drugs (CAN), 2012. – Text : immediate.
8. Korsgaard, H. O. Substance abuse and personality disorder comorbidity in adolescent outpatients: Are girls more severely ill than boys? / H. O. Korsgaard et al. – Text : immediate // Child Adolesc. Psychiatry Ment. Health. – 2016. – Vol. 10. – P. 8–43. – DOI: 10.1186/s13034-016-0096-5.
9. Kotov, R. Linking “big” personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis / R. Kotov et al. – Text : immediate // Psychol. Bull. – 2010. – Vol. 136. – P. 768–821. – DOI: 10.1037/a0020327.

10. Kuntsche, E. Cultural and gender convergence in adolescent drunkenness / E. Kuntsche et al. – Text : immediate // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. – 2011. – Vol. 162, No. 2. – P. 152–158. – DOI: 10.1001/archpediatrics.2010.191.
11. Lennox, J. The role of alcohol in constructing gender & class identities among young women in the age of social media / J. Lennox et al. – Text : immediate // International Journal of Drug Policy. – 2018. – Vol. 58. – P. 13–21. – DOI: 10.1016/j.drugpo.2018.04.009.
12. Mahalik, J. R. Gender, male-typicality, and social norms predicting adolescent alcohol intoxication and marijuana use / J. R. Mahalik et al. – Text : immediate // Social Science & Medicine. – 2015. – Vol. 143. – P. 71–80.
13. McCrae, R. R. Cross-cultural assessment of the five-factor model: The revised NEO personality inventory / R. R. McCrae et al. – Text : immediate // J. Cross Cult. Psychol. – 1998. – Vol. 29. – P. 171–188. – DOI: 10.1177/0022022198291009.
14. Nordvik, H. Five-factor model personality traits in opioid dependence / H. Nordvik, H. Kornør. – Text : immediate // BMC Psychiatry. – 2007. – Vol. 7. – P. 37–45. – DOI: 10.1186/1471-244X-7-37.
15. Raketec, D. Five-factor model personality profiles: The differences between alcohol and opiate addiction among females / D. Raketec et al. – Text : immediate // Psychiatr. Danub. – 2017. – Vol. 29. – P. 74–80. – DOI: 10.24869/psyd.2017.74.
16. Randhawa, D. Personality profiles of drug addicts and non-addicts / D. Randhawa. – Text : immediate // J. Psychosoc. Res. – 2018. – Vol. 13. – P. 407–416. – DOI: 10.32381/JPR.2018.13.02.15.
17. Whiteford, H. A. The global burden of mental, neurological and substance use disorders: An analysis from the global burden of disease study 2010 / H. A. Whiteford et al. – Text : immediate // PLoS One. – 2015. – Vol. 10. – P. 116–128. – DOI: 10.1371/journal.pone.0116820.
18. Widiger, T. A. Bruno Klopfer award address: Five-factor model personality disorder scales / T. A. Widiger. – Text : immediate // J. Pers. Assess. – 2020. – Vol. 102. – P. 1–9. – DOI: 10.1080/00223891.2018.1477051.

REFERENCES

1. Vodyakha, S. A., Vodyakha, Yu. E. (2022). Strategii sovladaniya so stressom i sklonnost' k upotrebleniyu psikhoaktivnykh veshchestv [Strategies for Coping with Stress and Propensity to Use Substances]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 3, pp. 171–178. EDN GCTDBS.
2. Vodyakha, S. A., Vodyakha, Yu. E. (2023). Emotsional'nyi intellekt i sklonnost' k upotrebleniyu psikhoaktivnykh veshchestv v yunosheskom vozraste [Emotional Intelligence and Propensity to Use Psychoactive Substances in Adolescence]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 1, pp. 87–94. DOI: 10.26170/2079-8717_2023_01_11. EDN QILNBM.
3. Ajo Arnevik, E., Rand-Hendriksen, K., Duckert, F. (2013). Drop-out from Addiction Treatment: A Systematic Review of Risk Factors. In *Clin. Psychol. Rev.* Vol. 33, pp. 1010–1024. DOI: 10.1016/j.cpr.2013.07.007.
4. Delic, M., Kajdzic, K., Pregelj, P. (2017). Association of the Five-factor Model Personality Traits and Opioid Addiction Treatment Out-come. In *Psychiatr. Danub.* Vol. 29, pp. 289–291.
5. DeYoung, C. G., Allen, A. A. (2019). Personality Neuroscience. A Developmental Perspective. In McAdams, D. P., Siner, R. L., Tackett, J. L. (Eds.). *Handbook of personality development*. New York, Guildford Press, pp. 79–105.
6. Erevik, E. K., et al. (2017). Recurrent Cannabis Use among Norwegian Students: Prevalence, Characteristics, and Polysubstance Use. In *Nordisk Alkohol Nark.* Vol. 34, pp. 497–510. DOI: 10.1177/1455072517743427.
7. Hibell, B., Stergar, E., Dernovscek, N. (2012). *The 2011 ESPAD Report: Substance Use among Students in 36 European Countries*. The S Council for Information on Alcohol and Other Drugs (CAN).
8. Korsgaard, H. O., et al. (2016). Substance Abuse and Personality Disorder Comorbidity in Adolescent Outpatients: Are Girls More Severely Ill than Boys? In *Child Adolesc. Psychiatry Ment. Health.* Vol. 10, pp. 8–43. DOI: 10.1186/s13034-016-0096-5.
9. Kotov, R., et al. (2010). Linking “Big” Personality Traits to Anxiety, Depressive, and Substance Use Disorders: A Meta-analysis. In *Psychol. Bull.* Vol. 136, pp. 768–821. DOI: 10.1037/a0020327.
10. Kuntsche, E., et al. (2011). Cultural and Gender Convergence in adolescent Drunkenness. In *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine.* Vol. 162, No. 2, pp. 152–158. DOI: 10.1001/archpediatrics.2010.191.
11. Lennox, J., et al. (2018). The Role of Alcohol in Constructing Gender & Class Identities among Young Women in the Age of Social Media. In *International Journal of Drug Policy.* Vol. 58, pp. 13–21. DOI: 10.1016/j.drugpo.2018.04.009.
12. Mahalik, J. R., et al. (2015). Gender, Male-typicality, and Social Norms Predicting Adolescent Alcohol Intoxication and Marijuana Use. In *Social Science & Medicine.* Vol. 143, pp. 71–80.
13. McCrae, R. R., et al. (1998). Cross-cultural Assessment of the Five-factor Model: The Revised NEO Personality Inventory. In *J. Cross Cult. Psychol.* Vol. 29, pp. 171–188. DOI: 10.1177/0022022198291009.
14. Nordvik, H., Kornør, H. (2007). Five-Factor Model Personality Traits in Opioid Dependence. In *BMC Psychiatry.* Vol. 7, pp. 37–45. DOI: 10.1186/1471-244X-7-37.
15. Raketec, D., et al. (2017). Five-Factor Model Personality Profiles: The Differences between Alcohol and Opiate Addiction among Females. In *Psychiatr. Danub.* Vol. 29, pp. 74–80. DOI: 10.24869/psyd.2017.74.
16. Randhawa, D. (2018). Personality Profiles of Drug Addicts and Non-addicts. In *J. Psychosoc. Res.* Vol. 13, pp. 407–416. DOI: 10.32381/JPR.2018.13.02.15.
17. Whiteford, H. A., et al. (2015). The Global Burden of Mental, Neurological and Substance Use Disorders: An Analysis from the Global Burden of Disease Study 2010. In *PLoS One.* Vol. 10, pp. 116–128. DOI: 10.1371/journal.pone.0116820.
18. Widiger, T. A. (2020). Bruno Klopfer Award Address: Five-factor Model Personality Disorder Scales. In *J. Pers. Assess.* Vol. 102, pp. 1–9. DOI: 10.1080/00223891.2018.1477051.